

Люди искусства

ТАК ЖИВАЮТ КУКЛЫ

В ОТ них лежат за ширмой, аккуратно разложенные на столе перед представлением, маленькие, неуклюжие, с нелепо запрокинутыми головами и неподданно согнутыми руками, от кистей которых торчат тонкие металлические трости. Ничто не выдает в них жизни: ни остановившийся взгляд блестящих выпуклых глаз, ни поникшие складки одежды на плоском, лишенном объема теле. Кажется, невозможно заставить нас волноваться за судьбу этих смешных созданий из дерева, поролона, проволоки, папье-маше и тряпок.

Однако стоит актеру взять одну из них в руки, умело прикоснуться к ее трости, продеть свою ладонь в складки одежды, как у куклы вдруг возникает гибкое объемное тело, появляется походка, манера держаться. И тогда к этой четко расчерченной, отточенной пластике добавляется голос актера, полный тела или гнева, нежности или юмора — происходит чудо: на наших глазах кукла начинает жить — смотреть, слушать, говорить, смеяться, плакать, плакать, с чем-то воевать, к чему-то стремиться.

Это требует от актера-кукловода большого мастерства, внутреннего перевоплощения, соединенного с высокой техникой управления куклой. Таким мастерством владеют лучшие актеры Тамбовского театра кукол. Среди них и Л. И. Булгакова. Ее творческий диапазон широк: здесь и юные лирические героини, и характеры с сочной бытовой или комедийной окраской. И что важно — при всей присущей жанру кукловодного театра максимальной общности образов, концентрирующих в себе, словно в фокусе, какие-либо пороки или, наоборот, положительные свойства, Л. И. Булгакова умеет наделять своих героинь каждый раз чем-то новым, своеобразным. Именно этот дар расцвечивать ведущие черты образа дополнительными оттенками и делает ее сценические создания такими живыми, человечески убедительными. Так если ее Алешушка из «Аленького цветочка» — уступчивая нежная, добрая, преданная, готовая на все ради тех, кого она любит, то восточная красавица Бурду из «Волшебной лампы Аладина» — исполненная горячих порывов и решимости отстаивать свое право на счастье. В ином ключе открывается ею та же тема любви в скромной, трудолюбивой Золушке или в веселой, находчивой Каче из «Чертовой мельницы». Но каковы бы ни были различия в душевном складе и национальных особенностях ее героинь, они неизменно покрывают искренностью чувств, поднимающихся порой до романтического начала.

Однако самой сильной и самобытной стороной творчества Булгаковой являются ее детские образы. Кажется, нет для актрисы незнакомого в извилистых ребячьих характерах, так органично живет она в мире их ассоциаций, фантазий и интересов. Здесь она достигает, пожалуй, наибольшей точности «попадания», наиболее живой жизненной правды, как в раскрытии внутреннего мира, так и во внешнем облике. Невозможно забыть всех ее мальчишек! Тут и неунывающий итальянский мальчик-луковик Чиполлино, слово произносящий солдцем — так он задорен и весел, тут и отважный, верный друг зверей трогательный негренок Джим; тут и добрый маленький русский князь Иванушка из «Двух кленов»,

и много других. Не менее разнообразны в ее исполнении и образы девочек. Только в этом сезоне она создала два из них: Герду в «Снежной королеве» и Катю в «Катюшином дне». Правда, Катюша — котенок, но за этим сказочным обликом скрывается школьница — выдумщица и лентяйка, неяркая и несмелая. Катюша надолго жила по разумно заведенному порядку — вовремя вставать, одеваться, готовить уроки, ходить в школу, она пробует нарушить этот порядок и... попадает в беду.

Перед нами забавное большоголовое существо со смешно хлопающими огромными зелеными глазами, непоседливое, суматошное. Наивная непосредственность сочетается в Катюше с самоуверенностью и упрямством. Актриса ведет роль с тонким юмором, без всякого нажима, но так, что само собой становится ясной нелепость Катюшиных поступков. И маленькие зрители, весело смеясь над нею, незаметно для себя делают нужные жизненные выводы.

Совсем иной предстает перед нами Герда. Кому знакомо это преданное горячее сердце, воспеваемое Андерсеном? Для Булгаковой важнее всего в образе Герды тема возмужания. Она прослеживает ее на всем трудном пути, который проходит Герда от мансарды бабушки до ледяного царства снежной королевы. Преодолевая препятствия и невзгоды, ее Герда становится все сильнее. Актриса достигает этого только высоким мастерством, кукла в ее руках не меняет своего облика. А между тем мы видим сначала маленькую девочку, но особенно храбрую, способную и попрыгать, и плакать. Она пугается Советника и прятается за бабушкину юбку. В сцене с королем Герда уже находит в себе силы спорить с ним и не подчиняться ему. В стане разбойников, связанная веревкой, беззащитная — она мужественно борется и не сдаётся. Перед этой душевной силой склоняется даже непривыкшая кому-либо уступать маленькая разбойница. Навысшей проникновенности достигает Булгакова в сцене ледяного царства, когда Герда своей нежностью и любовью возвращает сердцу Кзя человеческое тепло. Задумчивость, лиризм, мягкий юмор и заразительная веселость — лучшие краски щедрого дарования Л. И. Булгаковой.

Иного характера творческий склад И. И. Полякова. Это актер жестких контрастных красок, сочных, выпукло очерченных характеристик, острой социальной сатиры.

Среди множества сыгранных им бытовых, комедийных, героических и характерных ролей хочется остановиться на двух: Советника из «Снежной королевы» и Отшельника из «Чертовой мельницы», которые выделяются зрелостью и законченностью трактовки.

По лестнице, ведущей в чердачную каморку, слышатся неторопливые четкие шаги. В их размеренном сухом звуке — что-то неживое, как будто окостенелое. Это первое ощущение окостенело-

сти возникает с еще большей силой, когда на ширме появляется высокий старик с пергаментным желтым лицом, прямыми космическими седых волос и колочеем взглядом маленьких глазок из-под нависших бровей. Советник Полякова держится высокомерно прямо. В скрипучем голосе его звучит требование беспрекословного подчинения. Все, что стоит на его пути к обогащению, мешают его личным целям, — рождает в нем ненависть. Перед нами вырастает обобщенный образ омертвляющей власти денег, превращающей человека в механизм, покорный одному закону — наживы во всех его исторических вариантах, вплоть до сегодняшнего бизнеса на гонке вооружений. И для этого Полякову вовсе не нужно ослеплять Советника внешними приемами, нарядная дидактика Сэмом с сигарой в зубах. Неодолимо его ненависть ко всем, кто живет в мире дружбы и труда, и этой ненавистью он страшен. Образ звучит как предупреждение: бойтесь дьявола наживы — он враждебен человечеству, бойтесь убить свое сердце — с ним умирает радость жизни и любви.

К такому же философско-социальному обобщению стремится Поляков и в образе Отшельника. Его также нет надобности обряжать в сепатинский костюм, чтобы разглядеть живучую и по сей день реакционную идею уморщивания греховной плоти во имя загробных благ. Этот злой старик, выходящий до костей, все еще полон низких страстей. Прикрываясь благочестивыми фразами о боге, он думает только о себе одном, и больше ни о ком. Так возникает мрачная фигура враждебного людям религиозного ханжи и мракобеса.

Велика сила древнего и вечно юного искусства оживающих в умных руках актера театральных кукол. Им подвластны, как мы видим, и острая сатира, и мягкий юмор, и проникновенный лиризм. Живой пример тому — яркое, освещенное большой мыслью творчество Л. И. Булгаковой и И. И. Полякова.

С. ЛАНДАУ.

На снимке: артисты Л. И. Булгакова и И. И. Поляков со своими «персонажами» — куклами.

Фото Н. Перельгина.